

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Рекс Фортескью — выпивает свою последнюю чашку чаю, и именно в его кармане находят зернышки.

Инспектор Нил — человек весьма проникательный, хотя по его внешности этого не скажешь.

Крамп — дворецкий в «Тисовой хижине» Фортескью, любитель опрокинуть стаканчик.

Мэри Доув — толковая и не теряющая самообладания экономка, трагедия в «Тисовой хижине» ее, похоже, забавляет.

Сержант Хей — сподвижник и правая рука инспектора Нила.

Глэдис Мартин — горничная «Тисовой хижины», увы, не слишком сообразительная.

Миссис Крамп — повариха «Хижины», радуется за свое дело.

Ланселот Фортескью — блудный сын Рекса, великолепная черная овца семейства Фортескью.

Пэт Фортескью — его жена, куда уютнее чувствует себя в обществе лошадей, чем в обществе новых родственников.

Адель Фортескью — вторая жена Рекса, очень интересная женщина, если верить слухам, вышла замуж ради денег.

Вивиан Дюбуа — осмотрительный партнер Адель «по гольфу».

Дженнифер Фортескью — жена Персиваля, пухленькая клуша, любимое занятие — хождение по лондонским магазинам.

Эллен — уборщица, чья матушка когда-то наказала ей не прикасаться к тисовым ягодам.

Мисс Рэмботтом — свояченица Рекса, терпеть не может греха и распутства.

Элейн Фортескью — дочь Рекса, единственная из всего клана, кто подлинно скорбит.

Персиваль Фортескью — сын и деловой партнер Рекса, чопорный и привередливый, но никак не глупый.

Мисс Марпл — пожилая, но весьма смекалистая дама, имеющая свои соображения насчет дроздов.

Джералд Райт — школьный учитель, неофициально обрученный с Элейн.

ГЛАВА 1

Чай готовила мисс Сомерс. В компании «Консолидейтед инвестментс траст» она работала недавно и среди машинисток была самой бестолковой. Лучшие годы остались позади, на лице отпечаталось кроткое овечьё беспокойство. Мисс Сомерс вылила в заварной чайничек нескипевшую воду — бедняжка никогда не знала наверняка, кипит чайник или нет. И конечно, ужасно из-за этого беспокоилась, как и из-за многого прочего в каждодневной жизни.

Она разлила чай и поставила чашки перед сослуживцами, положив на каждое блюдо две плиточки мягковатого печенья.

Мисс Гриффит, старшая седовласая машинистка, весьма толковая, не терпящая беспорядка дама, прослужившая в компании верой и правдой целых шестнадцать лет, резко бросила: «Вода снова не вскипела, Сомерс!» Кроткое и обеспокоенное лицо мисс Сомерс запунцовело, и она выдавила из себя: «Боже, уж на этот раз я была уверена, что она вскипела».

Ладно, подумала мисс Гриффит, подержим ее еще месяц, пока у нас работы невпроворот... Ну в самом-то деле! А что эта заторможенная натворила с письмом в «Истерн дивелопмент» — надо же так наломать дров! Про чай и говорить нечего. Да где такую найдешь, чтобы и на машинке бойко стучала, и чтобы голова на плечах была... и банку с печеньем в прошлый раз не закрыла как следует. Н-да...

Внутренние, полные негодования монологи мисс Гриффит часто оставались неоконченными — так вышло и сейчас.

В комнату вплыла мисс Гросвенор — совершить священный обряд приготовления чая для мистера Фортескью. Мистеру Фортескью чай заваривали по-особому, он пил его из особой фарфоровой посуды и заедал особым печеньем. Только чайник и вода из-под крана были те же. Но для чая мистера Фортескью вода вскипела. Мисс Гросвенор проследила за этим лично.

Мисс Гросвенор была блондинкой, до того роскошной, что дух захватывало. Она носила черный, ладно сидевший костюм от дорогого портного, на стройных ножках красовались самые лучшие и самые дорогие нейлоновые чулки с черного рынка.

Не удостоив машинисток словом или взглядом, она выплыла из их комнаты. Стоит ли обращать внимание на всяких насекомых? Мисс

Гросвенор была не кем-нибудь, а личной секретаршей мистера Фортескью. Злые языки намекали, что этим ее обязанности не ограничивались, но в данном случае сплетня была лишь сплетней. Мистер Фортескью недавно во второй раз женился на роскошной и дорогой женщине, вполне способной завладеть его вниманием целиком и полностью. Для мистера Фортескью мисс Гросвенор была лишь неотъемлемой частью служебного интерьера, во всех отношениях исключительно шикарного и дорогого.

Мисс Гросвенор плыла, держа перед собой поднос, будто исполняла ритуал жертвоприношения. Небольшая приемная, комната ожидания, куда допускались наиболее значительные клиенты, ее собственный кабинетик и, наконец, после легкого стука в дверь — святая святых, кабинет мистера Фортескью.

Это была просторная комната, кое-где на надраенном до блеска паркетном полу лежали дорогие восточные ковры. Кабинет был изысканно отделан светловатым деревом, громадные набивные кресла обтянуты светло-желтой кожей. За гигантским столом из платана, естественным центром всей комнаты, восседал мистер Фортескью.

Не сказать, чтобы мистер Фортескью полностью «тянул» на свой кабинет, но все же вы-

глядел вполне внушительно. Это был дородный, слегка одряхлевший мужчина с блестящей лысиной. Потакая своей прихоти, на работе он носил свободный твидовый пиджак, более уместный для загородных прогулок. Он хмуро изучал какие-то бумаги. Мисс Гросвенор приблизилась к нему грациозным лебедем, поставила поднос на стол возле его локтя, ровным негромким голосом объявила: «Ваш чай, мистер Фортескью» — и вышла.

Мистер Фортескью, как того требовал ритуал, в ответ просто хмыкнул.

Мисс Гросвенор возвратилась к делам, ждавшим ее внимания. Сделала два звонка по телефону, проверила отпечатанные письма, прежде чем отнести их мистеру Фортескью на подпись, ответила на звонок из города.

— Боюсь, сейчас это невозможно, — сказала она в трубку, и в ее голосе зазвучали высокомерные нотки. — Мистер Фортескью занят.

Повесив трубку, она взглянула на часы. Было десять минут двенадцатого.

Вдруг через дверь кабинета мистера Фортескью, обитую звуконепроницаемой материей, донесся какой-то странный звук. Это был вопль, приглушенный изоляцией, но сомневаться не приходилось, так вопят от боли и ужаса. Тотчас на столе мисс Гросвенор включился сигнал — долгие, отчаянно зовущие гуд-

ки. Мисс Гросвенор на мгновение оцепенела, потом неуверенно поднялась на ноги. При встрече с неожиданным она пасовала. Однако, следя за осанкой, она подошла к двери мистера Фортескью, постучала и вошла.

Но увиденное заставило ее начисто забыть об осанке. Лицо ее хозяина, сидевшего за столом, исказила боль. Его трясло в конвульсиях, и это было пугающее зрелище.

— Боже, мистер Фортескью, вам плохо? — спросила мисс Гросвенор, в ту же секунду осознав, сколь глуп ее вопрос.

Мистеру Фортескью было плохо, и даже очень — сомневаться не приходилось. Она увидела, подходя к столу, что ее босс буквально извивается от боли.

Слова выскакивали из него прерывистыми всхлипами:

— Чай... что, черт дери... вы положили в чай... скорее помощь... врача...

Мисс Гросвенор вылетела из кабинета. Всю ее надменность роскошной блондинки-секретарши как рукой сняло. Теперь это была до смерти перепуганная, потерявшая голову женщина.

Она вбежала в комнату машинисток с криком:

— У мистера Фортескью припадок... он

умирает... надо срочно врача... у него такой жуткий вид... боже, он вот-вот умрет!

Со всех сторон посыпались советы, весьма разнообразные.

Мисс Белл, самая молодая машинистка, воскликнула:

— Если это эпилепсия, ему нужно сунуть в рот пробку. Пробки ни у кого нет?

Пробки не оказалось.

— В его возрасте... может, это апоплексический удар, — предположила мисс Сомерс.

— Надо вызвать доктора — немедленно, — распорядилась мисс Гриффит.

Однако ее обычная деловитость дала сбой — за шестнадцать лет службы ей ни разу не приходилось вызывать на работу врача. Ее лечащий врач далеко, в Стритэм-Хилле. А поблизости есть доктор, никто не знает?

Никто не знал. Мисс Белл схватила телефонный справочник и начала искать докторов под буквой «Д». Но справочник оказался алфавитным, и доктора не были сведены в одну колонку, как такси. Кто-то предложил позвонить в больницу, но в какую? Нужна больница этого района, настаивала мисс Сомерс, иначе толку не будет. Медицина-то нынче бесплатная. А раз так, в другой район нипочем не поедут.

Кто-то предложил набрать 999 и вызвать «неотложку», но мисс Гриффит даже замахала

руками — как можно, ведь тогда придется разбираться с полицией! Для граждан страны, где право на медицинскую помощь имеет каждый, группа вполне разумных женщин проявила поистине исключительное невежество. Мисс Белл раскрыла справочник на букву «С» и стала искать «Скорую помощь». А ведь наверняка у него есть свой доктор, предположила мисс Гриффит, не может у него не быть доктора. Кто-то бросился за справочником личных телефонов. Мисс Гриффит вызвала курьера и велела ему бежать на улицу и найти доктора — как угодно, где угодно. В справочнике личных телефонов мисс Гриффит нашла сэра Эдвина Сэндмена, проживавшего на Харли-стрит. Мисс Гросвенор рухнула в кресло и запричитала голосом, куда менее поставленным, чем обычно:

— Я приготовила чай, как всегда... нет, правда... не могло в нем ничего быть...

— Не могло ничего быть? — Палец мисс Гриффит замер в диске телефона. — При чем тут чай?

— Он... мистер Фортескью... сказал, что все дело в чае...

Мисс Гриффит застыла в нерешительности. Куда же звонить: доктору или в «неотложку»? Мисс Белл, из молодых да ранних, заявила:

— Надо дать ему горчицу с водой — прямо сейчас. У нас тут горчицы нет?

Горчицы не было.

Через некоторое время к зданию почти одновременно подкатили две кареты «Скорой помощи», а в лифте встретились доктор Айзекс из клиники Бетнал-Грин и сэр Эдвин Сэндмен. И телефон, и мальчишка-курьер свою задачу все-таки выполнили.

ГЛАВА 2

Инспектор Нил сидел в святилище мистера Фортескью за его огромным платановым столом. Один из его подручных с записной книжкой пристроился на стуле возле двери.

Инспектор Нил был бравого вида мужчина с военной выправкой, чуть вьющиеся темные волосы, зачесанные наверх, открывали довольно низкий лоб. Когда он говорил: «Это дело обыденное», те, к кому он обращался, нередко с презрением думали: «А ты только на обыденное и способен!» Они ошибались. Да, внешность Нила не давала особой пищи для фантазии, но сам он был вдохновенный фантазер, и один из его методов расследования сводился вот к чему: он выдвигал какую-нибудь диковинную версию и тут же примерял ее к человеку, которого в данный момент допрашивал.

Он немедля и безошибочно определил —

краткий и точный отчет о происшедшем ему даст мисс Гриффит. И действительно, заведя его в кабинет босса, она блестяще изложила утренние события. Когда она вышла, инспектор Нил выдвинул три отдельные, весьма неординарные причины, по которым преданная *doyenne*¹ машинистка могла бы подсыпать яд в утренний чай своего хозяина, и все их отверг как маловероятные.

Во-первых, мисс Гриффит не похожа на управительницу; во-вторых, она не влюблена в своего босса; в-третьих, психической неуравновешенности как будто не наблюдается; в-четвертых, она не из тех женщин, которые держат камень за пазухой. Таким образом, мисс Гриффит можно использовать лишь как источник достоверной информации.

Инспектор Нил посмотрел на телефон. В любую минуту могли позвонить из больницы Сент-Джудс.

Конечно, не исключено, что внезапная болезнь мистера Фортескью была вызвана естественными причинами, но доктор Айзекс из клиники Бетнал-Грин придерживался другого мнения, равно как и сэр Эдвин Сэндмен с Харли-стрит.

¹ Старшина, старейшина (*фр.*).

Инспектор Нил нажал кнопку вызова, удобно встроенную в стол рядом с его левой рукой, и попросил зайти к нему личную секретаршу мистера Фортескью.

Мисс Гросвенор отчасти удалось восстановить свою горделивую осанку, но лишь отчасти. Она вошла испуганная, лебединого скольжения не было и в помине, и сразу же агрессивно заявила:

— Я этого не делала!

— Правда? — пробурчал инспектор Нил как бы между прочим.

Он указал ей на кресло, в которое мисс Гросвенор всегда садилась с блокнотом в руках, когда мистер Фортескью вызывал ее для диктовки. Она неохотно села и встревоженным взглядом окинула инспектора Нила. Инспектор Нил, тотчас давший волю своей фантазии: соблазн? шантаж? платиновая блондинка перед судом присяжных? и так далее — вселял спокойствие и выглядел слегка глуповатым.

— С чаем ничего не было, — с ходу вступила мисс Гросвенор. — И быть не могло.

— Понятно, — сказал инспектор Нил. — Будьте любезны, ваша фамилия и адрес.

— Гросвенор, Айрин Гросвенор.

— Как именно пишется фамилия?

— Как площадь¹.

— Адрес?

— Рашмур-роуд, четырнадцать, Масвелл-Хилл.

Инспектор Нил с удовлетворенным видом кивнул. Соблазн отпадает, сказал он себе. Как и любовное гнездышко. Респектабельный дом, живет с родителями. Шантаж тоже ни при чем.

Очередной набор умозрительных теорий — в корзину.

— Значит, чай готовили вы? — любезным тоном спросил он.

— Да, так вышло. То есть это вообще моя обязанность.

Не спеша инспектор Нил выудил из нее весь ритуал утреннего чая мистера Фортескую. Чашку, блюдце и заварной чайник уже запаковали и отправили в соответствующий отдел на анализ. Теперь инспектор Нил выяснил, что к чашке, блюдцу и заварному чайничку прикасалась Айрин Гросвенор, и только она. Воду в чайник, которым пользовались все сотрудники, из-под крана наливала опять же мисс Гросвенор.

¹ Гросвенор — площадь в центре Лондона, где расположены дипломатические представительства нескольких стран.

— А сам чай?

— Мистер Фортескью пьет свой чай, особый, китайский. Он стоит на полке в моей комнате, за этой дверью.

Инспектор Нил кивнул. Спросил насчет сахара и выяснил, что сахар мистер Фортескью в чай никогда не кладет.

Зазвонил телефон. Инспектор Нил взял трубку. Выражение его лица слегка изменилось.

— Сент-Джудс?

Он кивнул мисс Гросвенор, давая понять, что она свободна.

— Пока все, мисс Гросвенор, спасибо.

Мисс Гросвенор торопливо покинула кабинет.

Инспектор Нил внимательно вслушивался в звуки писклявого и бесстрастного голоса, летевшего по проводам из больницы Сент-Джудс. Он сделал карандашом несколько загадочных пометок на уголке лежавшего перед ним блокнота.

— Умер пять минут назад? — переспросил он.

И тут же скосил глаза на часы. Записал: двенадцать сорок три.

Бесстрастный голос сообщил, что с инспектором Нилом желает говорить сам доктор Бернсдорф.

— Хорошо, — согласился инспектор Нил, — давайте его сюда, — слегка шокировав владелицу голоса такой беспардонностью, ибо она произнесла имя доктора с явным почтением.

Послышались какие-то щелчки, гудки, невнятные голоса где-то вдалеке. Инспектор Нил терпеливо ждал.

Потом безо всякого предупреждения его оглушил густой бас — он даже отодвинул трубку от уха.

— Привет, Нил, старый стервятник. Опять со своими трупами?

Инспектор Нил и профессор Бернсдорф познакомились примерно год назад — велось дело об отравлении — и с тех пор изредка пере­званивались и встречались.

— Что, док, наш человек умер?

— Да. Когда его привезли сюда, было уже поздно.

— А причина смерти?

— Само собой, будет вскрытие. Вообще случай довольно интересный. Я даже рад, что мне придется им заниматься.

Профессиональный задор в богатом обертонами голосе Бернсдорфа сказал инспектору Нилу по крайней мере об одном.

— Ты считаешь, что смерть не была естественной, — сухо констатировал он.

— Какая там, к чертям собачьим, естествен-

ная, — экспансивно прогремел доктор Бернсдорф. — Пока это, сам понимаешь, неофициально, — с запоздалой осторожностью добавил он.

— Понимаю. Понимаю. Само собой. Его отравили?

— Несомненно. Мало того — только это неофициально... строго между нами, — готов побожиться, что знаю, чем именно.

— В самом деле?

— Токсином, сын мой. Токсином.

— Токсин? Первый раз слышу.

— Не сомневаюсь. Совершенно необычный яд! Восхитительно необычный! Я бы и сам ни-почем его не распознал, но с месяц назад у меня был похожий случай. Ребятишки играли в дочки-матери, так вот, они сорвали с тисового дерева ягоды и положили их в чай.

— И тут это же? Ягоды тисового дерева?

— Ягоды или листья. Очень ядовитые. Токсин — это, разумеется, алкалоид. Что-то не помню, чтобы его применяли намеренно. Весьма интересный и необычный случай... Ведь все травят друг друга гербицидами, эти гербициды у меня уже в печенках сидят. А токсин — это просто конфетка. Я, конечно, могу и ошибаться — и ты, ради бога, на меня пока не ссылайся, — но сдается, что я прав. Да и тебе небось

такое дело интересно. Все-таки что-то новенькое!

— Все поют и веселятся, да? Кроме жертвы.

— Увы, несчастному не повезло, — согласился доктор Бернсдорф без особого огорчения в голосе. — Сыграл в ящик.

— Он перед смертью что-нибудь сказал?

— Один из твоих людей сидел около него с блокнотом. Он все записал, слово в слово. Тот что-то бормотал насчет чая... будто ему на работе что-то подсыпали в чай... но это, конечно, бред.

— Почему бред? — резко спросил инспектор Нил, чье воображение уже нарисовало такую картину — роскошная мисс Гросвенор подкладывает ягоды тисового дерева в заварной чайничек. Но он отмел эту версию как несостоятельную.

— Потому, что этот яд не мог сработать так быстро. Симптомы проявились сразу, едва он выпил чай, верно?

— Свидетели говорят, что так.

— Ядов, которые действуют мгновенно, почти нет — за исключением цианидов, разумеется, да, пожалуй, еще чистого никотина...

— А цианид и никотин тут явно ни при чем?

— Мой дорогой друг. Он бы умер еще до приезда «Скорой помощи». Нет, то и другое исключено. Я было заподозрил стрихнин, но

тогда откуда конвульсия? Короче, готов поставить на кон свою репутацию — неофициально, конечно, — это токсин.

— А он через сколько времени начинает действовать?

— По-всякому. Через час. Два или даже три. Покойник, видимо, был большой любитель поесть. Если он плотно позавтракал, действие яда могло замедлиться.

— Завтрак, — задумчиво произнес инспектор Нил. — А что, вполне может быть.

— Завтрак с Борджиа¹. — Доктор Бернсдорф весело рассмеялся. — Ладно, дружище, удачной охоты.

— Спасибо, доктор. Соедини меня, пожалуйста, с моим сержантом.

Опять послышались какие-то щелчки, гудки, невнятные голоса вдалеке. Потом трубка наполнилась тяжелым прерывистым дыханием — так бывало всегда, когда сержант Хей собирался заговорить.

— Сэр, — раздался его встревоженный голос. — Сэр.

— Нил слушает. Умерший сказал перед смертью что-нибудь важное?

¹ Испанское семейство, жившее в Италии (XV—XVI вв.), имевшее репутацию отравителей.

— Сказал, что все дело в чае, который он выпил в своем кабинете. Но врач говорит, что...

— Это мне известно. Еще что-нибудь?

— Нет, сэр. Правда, кое-что мне показалось странным. На нем был костюм... я проверил карманы. Все, что у всех: платок, ключи, мелочь, бумажник... ну и вот это... чүдная находка. В правом кармане пиджака. Там была крупа.

— Крупа?

— Да, сэр.

— Что значит «крупа»? Сухие полуфабрикаты? «Завтрак фермера»? «Уитифакс»? Или зерно пшеницы, ячменя...

— Именно, сэр. Зерна. Мне показалось, что это рожь. Довольно много.

— Понял... Странно... Может, это образцы... в связи с какой-нибудь торговой сделкой.

— Совершенно верно, сэр... но я решил, лучше вам сказать.

— Все правильно, Хей.

Несколько мгновений инспектор Нил, положив трубку, смотрел прямо перед собой. Его привыкший к порядку мозг переходил ко второй фазе расследования — до сих пор отравление лишь подозревалось, теперь же факт отравления был налицо. Профессор Бернсдорф хоть и говорил неофициально, но в таких делах на

его слова можно положиться. Рекса Фортескью отравили, и яд ему, скорее всего, дали за два-три часа до появления симптомов. Выходит, сослуживцы умершего к смерти своего босса, судя по всему, не причастны.

Нил поднялся и вышел из кабинета. Сотрудницы пытались работать, но пишущие машинки стрекотали далеко не с самой высокой скоростью.

— Мисс Гриффит? Можно вас еще на минутку?

— Конечно, мистер Нил. Ничего, если я отпущу девушек пообедать? Время перерыва давно прошло. Или вам удобнее, чтобы они перекусили здесь? Тогда мы что-нибудь закажем.

— Нет. Пусть идут обедать. Но потом они должны вернуться.

— Разумеется.

Мисс Гриффит последовала за Нилом в кабинет босса. Села и приняла свойственный ей сосредоточенный и деловой вид.

Не ходя вокруг да около, инспектор Нил сообщил:

— Мне только что звонили из больницы Сент-Джудс. В двенадцать сорок три мистер Фортескью скончался.

Мисс Гриффит и бровью не повела, просто покачала головой.

— Я подозревала, что он сильно болен, — сказала она.

Надо же, подумал Нил, ничуть не расстроилась.

— Будьте любезны, расскажите о его семье, домашних.

— Пожалуйста. Я уже пыталась связаться с миссис Фортескью, но, видимо, она уехала играть в гольф. До вечера ее дома не будет. На какой площадке она играет, точно не известно. — Как бы объясняя, она добавила: — Они живут в Бейдон-Хит, а вокруг него есть три отличные площадки для гольфа.

Инспектор Нил кивнул. В Бейдон-Хит жила почти сплошь городская знать. Он отстоял от Лондона всего на двадцать миль, связь по железной дороге была бесперебойной, да и машиной добраться относительно легко, даже в часы пик.

— Будьте любезны, точный адрес и номер телефона.

— Бейдон-Хит, три-четыре-ноль-ноль. Дом называется «Тисовая хижина».

— Как? — Вопрос сорвался с губ помимо воли инспектора Нила. — Вы сказали «Тисовая хижина»?

— Да.

В глазах мисс Гриффит мелькнуло легкое

любопытство, но инспектор Нил уже взял себя в руки.

— Пожалуйста, поподробнее о его семье, если можно.

— Миссис Фортеस्कью — его вторая жена. Намного моложе его. Они поженились два года назад. Первая миссис Фортеस्कью давно умерла. От первого брака у него два сына и дочь. Дочь живет с ним, как и старший сын, он совладелец фирмы. К сожалению, сейчас его нет — уехал по делам в Северную Англию. Должен вернуться завтра.

— Когда он уехал?

— Позавчера.

— Вы пытались до него дозвониться?

— Да. Как только мистера Фортеस्कью увезли в больницу, я позвонила в Манчестер в отель «Мидленд», думала, он там, но сегодня утром он оттуда выписался. Вообще он собирался в Шеффилд и Лестер тоже, но это неточно. Могу назвать фирмы в этих городах, с которыми он связан.

Да, подумал Нил, женщина деловая, и, взбреди ей в голову убить человека, она бы это провернула весьма по-деловому. Но он отогнал эти мысли и снова сосредоточился на фамильном древе семейства Фортеस्कью.

— А второй сын?

— Он разошелся с отцом во взглядах и живет за границей.

— Оба сына женаты?

— Да. Мистер Персиваль женат три года. Он и жена занимают отдельную квартиру в «Тисовой хижине», хотя скоро переезжают в собственный дом там же, в Бейдон-Хит.

— А до миссис Персиваль Фортескью вы утром тоже не дозвонились?

— Она на весь день уехала в Лондон. А мистер Ланселот, — продолжала свою сагу мисс Гриффит, — женился меньше года назад. На вдове лорда Фредерика Энстиса. Вы, наверное, видели ее на фотографиях. В «Сплетнике» — рядом с лошадьми. И в колонках ипподромной хроники.

У мисс Гриффит слегка перехватило дыхание, щеки чуть запунцовели. Нил, чутко улавливавший настроение собеседника, понял: этот брак затронул в душе мисс Гриффит самые снобистские и самые романтические струны. В глазах мисс Гриффит аристократ всегда был аристократом, она словно и знать не знала, что репутация покойного лорда Фредерика Энстиса в спортивных кругах была весьма подмочена. Фредди Энстис пустил себе пулю в лоб, когда стюарды стали проявлять интерес к методам подготовки лошадей в его скаковых конюшнях. Нилу вспомнились кое-какие об-

рывочные сведения о жене Энстиса. Она была дочерью ирландского пэра и женой военного летчика, погибшего во время Битвы за Англию¹.

А теперь, судя по всему, она связала судьбу с паршивой овцой семейства Фортескью, который «разошелся с отцом во взглядах», как напыщенно заметила мисс Гриффит, что, скорее всего, означало какой-то постыдный случай в карьере молодого Ланселота Фортескью.

Ланселот Фортескью! Вот это имя! А как зовут другого сына — Персиваль? Интересно, что за особа была их матушка? Станный вкус на имена...

Он пододвинул к себе телефон, набрал номер телефонной станции и попросил соединить его с домом по адресу: Бейдон-Хит, 34-00.

Через несколько секунд мужской голос произнес:

— Бейдон-Хит, три-четыре-ноль-ноль слушает.

— Мне нужно поговорить с миссис или мисс Фортескью.

— Извините. Нет дома ни той, ни другой.

Инспектор Нил мгновенно определил: его собеседник пребывал в легком подпитии.

¹ Воздушные бои над Великобританией в 1940—1941 гг.

— Вы дворецкий?

— Точно так.

— Мистер Фортескью серьезно заболел.

— Знаю. Сюда уже звонили. Но я что могу поделывать? Мистер Валь уехал на север, миссис Фортескью играет в гольф. Миссис Валь уехала в Лондон и вернется только к вечеру, а мисс Элейн тоже нет — умчалась к своим девочкам-скаутам.

— С кем мне поговорить насчет болезни мистера Фортескью? Неужели в доме никого нет? Это очень важно.

— Ну... не знаю, — с сомнением в голосе пробурчал дворецкий. — Есть мисс Рэмсботтом, но она даже к телефону не подходит. Есть мисс Доув — экономка, так можно сказать.

— Пожалуйста, попросите ее к телефону.

— Сейчас попробую разыскать.

В трубке был слышен звук его удаляющихся шагов. Через минуту-другую с инспектором заговорил — звука шагов на сей раз не было, видимо, трубку сняли в другом месте — женский голос:

— Мисс Доув слушает.

Голос был низкий, поставленный, с четкой дикцией. У инспектора Нила о мисс Доув сразу сложилось благоприятное мнение.

— Очень жаль, мисс Доув, что вынужден сообщить вам об этом, но совсем недавно в